

ОСОБЕННОСТЬ произведений В. Тендрякова — их драматизм.

Герои, о которых он особенно любит рассказывать, — это люди резкой определенности: каждый из них придерживается своего образа мыслей, каждый руководствуется в своем поведении ясными и недвусмысленными целями и желаниями. К тому же целями и желаниями противоположными, так что люди сталкиваются в резком конфликте, где невозможен компромисс, где одна сторона права, а другая — неправа, где кто-то побеждает, а некто другой терпит поражение.

Герой повести «Саша отправляется в путь», юноша Александр Комелев, размышляет: «Жизнь сложна, один о ней думает так, а другой иначе, а правда всякий раз — одна. Ее надо искать и найти, одну правду, одну истину, один путь, как сделать жизнь красивой». Эти слова выражают эстетическую позицию самого автора, честного и пытливого писателя. В лучших произведениях Тендрякова непримиримо противоборствуют добро и зло, так, как не уживаются они друг с другом и в жизни. В реалистическом драматизме — пафос и сила таланта В. Тендрякова.

Истинное, правильное побеждает в нашей жизни не просто потому, что оно истинное и правильное. Истинное побеждает у нас потому, что оно в конечном счете сильнее. Но это не значит, что в каждом конкретном случае перевес сил на его стороне. И Тендряков особенно внимательно вглядывается в те случаи, когда зло и неправда терпят моральное поражение, поражение в глазах читателя, не сдавая еще своих позиций в жизни. Отсюда — некоторая сюжетная «незаконченность», нежелание ставить точки над «и».

Драматизм тендряковского повествования продиктовал и другие его творческие особенности, в частности композиционные. Развитие событий в повестях и рассказах В. Тендрякова идет быстро и решительно, действующие лица крепко и естественно связаны одной общей мыслью произведения, одним, главным конфликтом. Прочитав повесть «Не ко двору» (по нашему мнению, художественно лучшее из того, что пока создано писателем), вы получаете то наслаждение эстетической законченностью вещи, которое возникает, когда **жизненный материал**, увиденный автором, его **чувства и мысли**, вызванные этим материалом, и, наконец, **особенность его дарования**, как художника, оказываются соответственно соответствующими друг другу.

Скажем сразу — в повести «Саша отправляется в путь» этой законченности мы не почувствовали.

Попробуем разобраться, в чем тут дело?

В своем новом произведении Тендряков остался верен особенностям своего таланта. «Саша отправляется в путь» — произведение драматическое, полемическое, в нем ставятся важные и острые вопросы.

...Отец Саши — секретарь райкома Комелев — был не просто самым родным человеком; он был для юноши образцом коммуниста, образцом руководителя, самоотверженного и мудрого. И вот инфаркт, смерть и жестокое недоумение сына: почему люди, которых так любил отец, для которых он, не щадя себя, так много делал, почему они отнеслись к этой смерти равнодушно? Саша случайно слышит разговор председателя колхоза «Труженик» Игната Гмызина с Павлом Мансуровым, заведующим отделом пропаганды райкома, разговор об ошибках Комелева, о главной слабости его работы: себя не жалел, а людям не доверял; как ручей, сверху нес, указания выполнял, а к советам снизу не прислушивался. В сознании Саши пронесется настоящая буря; она уносит из его молодой души слепое, «детское» представление об отце, как об идеале настоящего руководителя.

Драматический талант Тендрякова выступает здесь очень сильно. Описание внутренних психологических переживаний Саши, как и вообще у Тендрякова, — это не последовательное течение мыслей, а острый спор человека с самим собой, борьба доводов «за» и «против» в его душе.

В. Тендряков. «Саша отправляется в путь». Повесть. «Новый мир». № 2, 3. 1956 г.

ЛЮДИ В ПУТИ

Ю. СУРОВЦЕВ

«Саша, расслабленный, разбитый, глядел в темный потолок... Неужели все это правда?.. Ложь! Не может быть!.. А какой смысл им лгать? А вдруг обидел их чем отец? Обиды-то не слышалось в их голосах... Драться надо... С кем? Если б жил отец, то с отцом! Да что же это такое!.. Даже когда хоронили отца, не было так тяжело Саше. Отец умер, исчез, но осталось после него самое хорошее — память о нем. Теперь нужно хоронить последнее — эту хорошую память. Ничего не осталось! Жил и нету, нечем вспомнить. Невозможно это! Нельзя согласиться! Страшно!..»

Так намечается дальнейший путь Саши, путь его гражданского воспитания, путь сознательных, самостоятельных поисков юношей правды жизни.

Но с большой остротой поставив перед Сашей такие серьезные задачи, Тендряков тут же и бросает своего молодого героя.

На сцену выходит новое лицо — Павел Мансуров, а Саша, продолжая числиться в списке действующих лиц, пересаживается в ряды зрителей, правда, зрителей, кровно заинтересованных в исходе событий, шумно выражающих свое одобрение или неодобрение, даже иногда подыгрывающих настоящим действующим лицам, но... все-таки Мансуров и проблема «мансуровщины» оттеснили тему Саши.

Непродуманность композиции обернулась в данном случае тем, что важная, особенно для молодого читателя, проблема выглядит в повести скомканной и, не побоимся сказать, облегченной, что вообще-то всегда было чуждо Тендрякову. Действительно, Саша, вначале так мучительно воспринявший отрицательное отношение людей к работе отца, с болью и обидой расстающийся со своими наивными, «детскими» представлениями, твердо решивший во что бы то ни стало найти для себя ответы на непростые вопросы: как надо жить, где правда, — этот самый Саша взрослеет быстро и просто. Глубокая внутренняя честность должна была бы привести Сашу к Гмызину, человеку действительно хорошему, настоящему коммунисту, но через суровую душевную борьбу. А это и нет. В 6-й главе Саша чувствует к Гмызину «неприязнь, почти ненависть», в 8-й он задумывает его проверить, а в 10-й (в 7-й и 9-й Саши вообще нет) проводится разговор юноши с Катей, где Саша утверждает, что Гмызин во всем прав. Путь гражданского возмужания Саши здесь же и заканчивается. В следующем разговоре с Катей Саша вполне зрело и здраво критикует райком партии за формализм, за вагизм критики, а когда разозленная и назидательная Катя — а такой «Катей» месяц назад был сам Саша — говорит, что так нельзя, что не верить районному руководству — значит не верить в партию, Саша «повзрослел», резонерски разъясняет: «Бюро райкома еще не вся партия... Если прислушаться к Игнату Гмызину, только умнее станешь. От лишнего ума слабее не делаются». Вопросы, таким образом, решены, идеалы найдены, ориентиры дальнейшего следования расставлены. А двигаться некуда. Сидя, не зашагаешь.

Саша, которого мы в конце повести покидаем в зале партийной конференции, где он готовится выступить против Мансурова, — тот же Саша, который где-то в первой части, сидя под заветной сосной, объяснял Кате вред формализма. Автору ничего другого не остается, как, положив столь быстро предел гражданскому развитию молодого героя, переключить его в превратности «личной» жизни.

Саша любит Катю. Но Катя, девушка эзальтированная, живущая в книжном романтическом мире, ждущая себе «задания какого-то особенного», да чтобы непременно с самопожертвованием оно было, — Катя не поняла Сашу и, придумав себе героя из Мансурова, увлеклась им. (Образ Кати сам по себе очень интересен и значителен, но, к сожалению, у нас нет места им заняться). И вот, отвергнутый Катей, Саша против своего желания, презирая себя, идет навстречу Пасте — «девке с бесни-

кой», сельской искусительнице. Эта любовь против воли, это бесознательное «грехопадение» понадобилось автору, повидимому, для того, чтобы сказать, что жизнь — сложная штука. Но сложность ее, согласитесь, не в том прежде всего, что неопытный юноша может не устоять против любовного «соблазна».

Мы сказали, что Мансуров и «мансуровщина» оттеснили Сашу. Но зато сам Мансуров и вся «история величия и падения» его получились великолепно. По первому знакомству к Павлу Мансурову можно почувствовать симпатию. Его тяготит «бумажный круговорот», который захлестывает при Комелеве и его преемнике Баеве партийную и хозяйственную работу в районе, ему хочется размаха, живого дела, борьбы. Да, он честолюбив. Но кто упрекнет его за то, что он хочет «быть лучшим»? «Просто живи, работай, чтоб польза была», — советует Гмызин. А если сил в себе чувствуешь больше, чем на «просто живи»?

Широк, смел, речист Мансуров. Но только, что он знает, что умеет? «За всю свою беспокойную жизнь он так и не успел получить профессии. Не инженер, не агроном, не учитель». И это сразу разрушает обаяние первого знакомства. Не трудным, настойчивым путем учения, совершенствования хочет идти этот человек, — такой путь выбирают гмызины. Быстро взлететь, взять «на ура».

Большое дело подсказывают Мансурову Гмызин, другие председатели колхозов, агроном Чистотелов, колхозники. Район отстает потому, что планируется хозяйство неправильно, местные условия не учитываются. Надо документально, безошибочно доказать это. И Мансуров начинает собирать цифры, документы, мысли других людей. И вот нахрапистый «деятель» вдруг взлетает на гребень волны народной, партийной инициативы.

Как глубокий разоблачительный символ воспринимается мансуровская папка, куда он аккуратно складывал цифры и документы, папка «с казенной надписью «Дело №...». Это — его надежда, его «бомба», которую он швырнет в нынешнее районное руководство, расчищая место себе. О, он бы не бросил, если б была очевидней выгода промолчать, но в том-то и дело — такие пошлы времена, что, пожалуй, расчетливей будет показать себя «принципиальным», «разоблачителем».

И так во всем. Гмызин старается для людей, для своего государства. Мансуров — для себя. Гмызин, думая о папке, видит расхлябанные дороги, редкие урожаи поля, убыточные, неположительные стада, — все это нужно переделать, поднять, улучшить! А Мансуров, наоборот, сталкиваясь с еще одним отрицательным фактом, вместо того чтобы постараться исправить его тут же, думает о папке, об эффективности своей «бомбы».

Не могут они не столкнуться, Павел Мансуров и Игнат Гмызин. И они сталкиваются. Бескомпромиссно. Или — или.

Область получает породистый скот. Сколько его взять району? Мансуров понимает, — опять не без подсказки Гмызина, — что в этих могучих молочных коровах — спасение. Но для этих коров нужно создать особые условия, нужна постепенная, кропотливая подготовка, работа без особого блеска, «просто», «с пользой». Но ведь это же значит быть, как другие? А хочется быть уже не лучшим и даже не первым, хочется подняться над другими. И в порыве тщеславного самозабвения Мансуров дает обязательство взять пятьсот коров — огромная цифра!

Но как справиться? А, все равно, беги, не оглядываясь: или грудь в крестах, или голова в кустах. Типичный жест авантюриста! И этот жест раскрыл Гмызину глаза на Мансурова. Все яснее становится Гмызину и другим людям, что Мансуров — карьерист, и ради карьеры он пойдет на все, любую низость совершит. Что ему люда, их жизнь, их благополучие! Все яснее становится, что «чужой этим людям» Павел Мансуров.

Повесть могла кончиться по-другому: не «инспекционной» поездкой секретаря обкома Курганова по району, где хозяйничает Мансуров, не сценой собрания, где разоблачают «разоблачителя» Мансурова. Тендряков мог бы не ставить и на этот раз точку над «и». Главное — в том, что писатель убедительно показал, как все отшатнулись от Мансурова. Партийная, народная правда никогда не была на стороне карьериста и обманщика Мансурова; к концу повести выясняется, что и сила не у Мансурова, она ушла от него, как только открылось его подлинное лицо. Не легко разгромить «мансуровщину», но нужно и возможно. Правда — сильнее фальши...

...Тут нам опять придется говорить о композиции повести. Ясно и четко движется главный смысловой поток произведения, развивается драматический конфликт. Но автору показалось этого мало. На пути этого потока он возвел дополнительные искусственные сооружения, которые только раздробляют, расслабляют его.

Была ли необходимость подробно рассказывать о семейной неурядице Мансурова, о жене, чуждой ему, безгласной, несчастной? У него могла быть жена, разделяющая и вдохновляющая его «макбетовские» стремления. Семейная драма Мансурова — кусок, не связанный органически с общей идеей, внешней остротой, а не оправданная жизненная драма. Не все, думается, художественно оправдано, убедительно и в истории с Мургиным.

Повесть не всегда гармонична и соразмерна, написал один из ее критиков. Верно. Писалась она, видно, в спешке, есть в ней фигуры, в действительности участия не принимающие, лишние, иллюстративные. Не получилось сатирических образов из Сурепкина и Зыбиной, совершенно бесплотен Баев. Комелев умер, сразу делать секретарем Мансурова «по сюжету» нельзя. И вот появляется лицо без лица, образ, не несущий в себе самостоятельного идейно-художественного смысла, а как бы дублирующий покойного Комелева.

Опять «чисто» композиционный просчет? Да. Но вспомним слова Чернышевского: «Первый закон художественности — единство произведения». Если есть в произведении «лишние», иллюстративно поданные образы, — страдает идея, ибо идея художественного произведения — это живое взаимодействие образов, когда нельзя обойтись без самого, на первый взгляд, незначительного. Глубокая и сокровенная проблема повести — борьба с «мансуровщиной» — была бы разработана еще глубже и полнее, если бы фигуры «второго плана», и положительные, такие, как Чистотелов, и отрицательные, такие, как Баев и Зыбина, были включены в сюжет, были живыми и убедительными. Тогда мы яснее представили бы себе и тех, кто может стать союзниками Мансурова, и тех, кто пойдет вместе с Гмызиным. Значительность повести от этого только увеличилась бы.

Бывает, что недостатки формы объясняются неумением писателя, слабостью его дарования, не способного к эстетически законченному претворению своих наблюдений над действительностью. Тендряков — талантливый писатель. Недостатки его повести — это, на наш взгляд, недостатки прежде всего его художественной мысли. Там, где его драматический талант пронизан продуманной, выношенной мыслью, там он силен. Когда же писатель спешит «высказаться», хотя во всем объеме, со всех сторон волнующие его проблемы им еще художественно не переработаны, — получается искусственность.

Тендряков — тоже в пути. Его новая повесть — произведение большого замаха, чем предыдущие. От внимательного изучения всех сильных и слабых сторон этой повести, — а это вряд ли кто сделает лучше автора, если только он будет требователен к себе, — во многом зависит дальнейший творческий путь Тендрякова. А сила у него есть пойти далеко...